

Классическое же понятие «закон» (lex) как приказ всего народа складывается в конце VI – первой половине V в. до н.э., и процесс этот был обусловлен, с точки зрения Л.Л. Кофанова, сословно-классовой борьбой патрициев и плебеев. Межсословная борьба, по его мнению, привела к сужению рамок действия сакрального права. Огромную роль в этом сыграл плебейский трибунал. Благодаря законотворчеству плебейских трибунов законодательная инициатива постепенно переходила от пронизанных религиозными запретами куриатных комиций к центуриатным, а затем и к трибутным. В это время идет и углубление процесса формирования правовой системы: разделяется судопроизводство по государственным и частным делам. Санкции законов эволюционируют от жертвоприношений к штрафам, конфискациям в пользу народа.

Определенным завершающим этапом в развитии архаического права становится создание Законов XII таблиц, в котором видны уже все основные элементы системы римского гражданского права, его деление на публичное (жреческое, сакральное и право магистратов) и частное (нормы о лицах, о вещах и об исках) право. В Законах представлены нормы, свидетельствующие о достаточно развитых институтах коллективной собственности, и в то же время отношения частной собственности носили еще довольно архаический характер.

Л.Л. Кофанов отмечает особую важность генезиса преторской юрисдикции и соответственного преторского эдикта в IV – начале III в. до н.э. для всего дальнейшего развития римского права. Постоянные преторские эдикты заложили основу будущего преторского права (*ius hono-garim*) как важнейшего источника всего римского права. Важным моментом в истории преторского эдикта автор считает обнародование в 304 г. до н.э. курульным эдилом Флавием иском и фаст, что, с точки зрения исследователя, позволило преторам в судебной деятельности проявлять большую активность и самостоятельность. По мнению Л.Л. Кофанова, с конца IV в. до н.э. начинается развитие формулярного процесса, в котором активная роль в разработке исковых формул стала принадлежать именно преторам и курульным эдилам.

Итак, исследование Л.Л. Кофанова затрагивает как ранее мало исследованные проблемы в развитии римского права, так и предлагает свои решения дискуссионных вопросов. Следует отметить, что при всех несомненных плюсах работа несколько фрагментарна: больше внимания уделяется излюбленным автором темам, а ряд других, не менее значимых, затрагиваются лишь попутно. В целом монография представляет собой очень интересное исследование и побуждает ученых к дальнейшему комплексному изучению права и истории Рима.

О.А. Власова

© 2008 г.

Е.В. СИЛЬВЕСТРОВА. *Lex Generalis.* Императорская конституция в системе источников греко-римского права V–X вв. н.э. М.: Индрик, 2007. 246 с.*

Книга Е.В. Сильвестровой представляет собой первую в отечественной романистике монографию по постклассическому римскому праву. До сего времени вышло лишь несколько работ, посвященных отдельным сюжетам истории церковного права или правовой культуры Византии, авторы которых с большей или меньшей степенью обстоятельности и подробности привлекали для решения своих задач материалы «Кодекса» Феодосия и других текстов постклассического периода¹. Работу Е.В. Сильвестровой выделяет на общем фоне ее целостный и ком-

* Рецензия написана в рамках проекта «Научный комментированный перевод Кодекса Феодосия» (грант РГНФ 08-03-00158а).

¹ См., например: *Азаревич Д.* История византийского права. Ярославль, 1876–1877; *Астапенко П.Н.* Римское императорское законодательство IV века о церкви и формирование канонического права. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999; *Гуляев А.* Предбрачный дар в римском праве и в памятниках византийского законодательства. Исследование. Дерпт, 1891; *Лебедева Г.Е.* Социальная структура ранневизантийского общества (по данным кодексов Феодосия и Юстиниана). Л., 1980; *Литвиц Э.Е.* Право и суд в Византии в IV–VIII вв. Л., 1976; *она же.* Законодательство и юриспруденция в Византии в IX–XI вв. Л., 1981; *Павлов А.* 50-я глава Кормчей книги как исторический и практический источник русского брачного права. М., 1887; *Тиктин Н.И.* Византийское право как источник Уложения 1648 г. и новоуказных статей. Опыт историко-сравнительного исследования. Одесса, 1898, и т.д.

плексный характер, проблемный подход и, как мы покажем ниже, серьезная доктринальная проработка основных разбираемых в нем концептов.

Объектом исследования Е.В. Сильвестровой является программа систематизации права, провозглашенная еще Феодосием (С. Th. I. 1. 5), но так и оставшаяся невыполненной вплоть до «Василик» (см. II) – византийского законодательного свода конца IX в. (с. 8–9). Несмотря на то что в римском праве и до V в. н.э. встречались программы кодификации (проект Вечного эдикта, например), отправной точкой своего исследования Е.В. Сильвестрова считает именно «Кодекс» Феодосия, «поскольку именно этот юридический памятник следует считать предтечей современного романо-германского кодекса, как определенным образом систематизированного комплекса абстрактно-общих правовых норм...» (с. 10). Соответственно объекту формулируется и цель исследования, которая заключается не просто в сопоставлении «программ трех систематизаций правоустановительных актов, но в уяснении значения и места императорской конституции в системе источников права в рамках изучения истории постклассических (и византийских) консолидаций и кодификаций...» (с. 15, 137). По нашему мнению, полностью достичь поставленной цели, особенно в части сравнения «программ трех кодификаций», автору так и не удалось. При внимательном прочтении монографии бросается в глаза значительное несоответствие места и времени, уделяемого автором каждой из трех исследуемых кодификаций: основное внимание уделяется «Кодексам» Феодосия и Юстиниана, фрагменты же, посвященные «Василикам», смотрятся как вынужденное к ним приложение – настолько сильно уступают они остальным как в объеме, так и в глубине проработки.

Однако же, безусловно, самым интересным в рассматриваемой работе является то, что на протяжении всего своего исследования Е.В. Сильвестрова последовательно раскрывает понятие «всеобщего закона» (*lex generalis*), разработавшегося императорской канцелярией на протяжении всего постклассического периода на базе императорской конституции. Известно, что в этот период проходил процесс унификации норм римского права, в ходе которого нормотворчество императоров постепенно вытесняло юридическую доктрину, бывшую до того основным источником права (с. 15; см. здесь библиографию в прим. 33). Однако автор не ограничивается простой констатацией этого факта, подробно анализируя указанное понятие и показывая, что именно постклассический концепт *lex generalis* ближе всего подходит к современному пониманию термина «закон».

Приступая к анализу *lex generalis*, Е.В. Сильвестрова выделяет несколько его основных черт, среди которых следует назвать определенность, понимаемую как свободу от каких бы то ни было двусмысленностей и недоговорок, общеизвестность и обусловленную последней общеобязательность. Автор обращает внимание на термин *diversitas iuris*, употребленный в упоминавшейся выше конституции из «Кодекса» Феодосия², и трактует его как несогласованность и противоречия в действующем праве, отсутствие единообразия в правовом регулировании однопорядковых общественных отношений (с. 19). В этой и в ряде других конституций император призывает устранить возможную двусмысленность, установить определенность права, четкость и ясность правовых норм. С тем же пороком неоднозначности и непонятности правовых текстов, разногласия правовых норм впоследствии столкнулся и Юстиниан, указывавший в конституции *Coridi* на то, что целью создания кодекса императорских конституций было как раз преодоление несогласованности действующего права. Наконец, и создание «Василик» также представляло собой реализацию программы по очищению древних установлений, в рамках которой предполагалось устранить противоречия в нормативно-правовом материале, изъять из текста свода утратившие юридическую силу правоустановительные акты (с. 20). Впрочем, как можно заметить, все упомянутые попытки преодолеть хаос в правовой системе помогли лишь на время – каждый последующий император, начиная свой проект кодификации, боролся с теми же угрозами и вызовами, что и его предшественники.

Желание придать своим постановлениям общеизвестность и, как следствие – общеобязательность привело Феодосия II, а за ним и Юстиниана к необходимости пересмотра всей системы источников римского позитивного права. Основным источником права отныне должны были стать императорские конституции, которые следовало воспринимать как «всеобщие законы», *leges generales*. В качестве таковых в одной из конституций Валентиниана III перечисляются конституции, которые император направил сенату, конституции, получившие название эдикта и, наконец, приравненные к ним постановления, распространенные наместниками провинций в виде своих эдиктов (с. 22; cf. С. I. 14. 3). Опираясь на этот текст, автор замечает, что, по всей видимости, одним из основных признаков понятия *generalitas* применительно к правовому акту яв-

² С. Th. I. 1. 5: ...*Omni iuris diversitate exclusa magisterium vitae suscipiet.*

ляется степень известности его как можно более широким слоям населения (с. 23). Таким образом, суммировав все приведенные в I главе признаки «всеобщего закона», Е.В. Сильвестрова приходит к выводу о том, что идеальный *lex generalis* кодификаций Феодосия и Юстиниана представлял собой «отвечающий определенным требованиям правоустановительный акт, в котором выражено нормативно-правовое содержание основного источника позитивного права, закона. В качестве закона выступает волеизъявление императора, облеченное в отвечающую определенным критериям форму императорской конституции. “Всеобщий закон” действует на всей территории империи и обладает обязательной юридической силой» (с. 27).

Выявив теоретические основы концепции «всеобщего закона», в остальных главах Е.В. Сильвестрова подробно рассматривает проблемы, связанные с императорскими конституциями в системе источников позитивного права Империи и ролью их в процессе становления *lex generalis* (II глава), вопросы взаимодействия и взаимовлияния права юристов и императорских постановлений (III глава) и, наконец, ряд проблем, связанных с процессом создания основных правовых сводов поздней античности и с их публикацией (главы IV и V соответственно). Ни в коей мере не стремясь к подробному пересказу всей работы, кратко остановимся в дальнейшем лишь на двух моментах, вызвавших наш живой интерес. Это прежде всего проблема возникновения «всеобщего закона» и его генетического родства с некоторыми другими источниками позитивного права древнего Рима и затем ряд вопросов, касающихся правовой природы самих кодификаций Феодосия и Юстиниана.

Поднимая вопрос о разработке в постклассическом Риме концепции «всеобщего закона», Е.В. Сильвестрова обращает внимание читателя на генетическое родство данного источника права с двумя другими формами позитивации правовых норм древнего Рима – с эдиктом и с публичным законом периода Республики – *lex publica*.

Тот факт, что прообразом императорского эдикта послужил эдикт римского магистрата, имел ряд достаточно долговременных последствий. Прежде всего, это отразилось на представлениях о сроках действия данного текста: как известно, эдикт магистрата прекращал свое действие вместе с прекращением должностных полномочий издавшего его магистрата. В эпоху Принципата этот факт послужил основой для сомнения в том, сохраняет ли императорский эдикт силу после завершения правления издавшего его императора или нет. Е.В. Сильвестрова обращает внимание на то, что, по мнению некоторых авторов³, эти сомнения не были однозначно разрешены и в постклассический период. Однако она считает данную позицию необоснованной, поскольку сама природа «Кодекса» Феодосия, представлявшего собой «...свод действовавших императорских конституций, юридическая сила которых определялась авторитетом издавших их императоров, а не авторитетом собравшего их в единый кодекс императора Феодосия...» (с. 29), противоречит ей.

Помимо означенной проблемы срока действия императорского эдикта, можно отметить и еще один, как представляется, достаточно важный момент, связанный с данным жанром, – принимая на вооружение старую форму эдикта магистратов, императоры хотя и наполняли ее принципиально другим содержанием, но все же сохраняли определенную преемственность с республиканским прошлым, пусть даже лишь на уровне лексики. Кажется логичным предположить, что одним из результатов подобной раздвоенности стала известная дихотомия, нашедшая свое отражение, в частности, в «Кодексе» Феодосия и выражающая отношения императора и закона: *princeps legibus solutus* и *princeps legibus alligatus* (подробный разбор этой дихотомии в работе Е.В. Сильвестровой можно найти на с. 51–57. – А.М.). С одной стороны, император как первый из римлян, а впоследствии и как их владыка (*dominus*) был свободен от власти закона, поскольку сам зачастую являлся его источником. С другой же стороны, как наследник римских магистратов, он не мог окончательно освободиться от представлений о должном повиновении закону, пусть даже и изданном им же лично.

Приведенные максимы, касающиеся взаимоотношений императора и закона, не могут не подвести нас к рассуждению о генетическом родстве «всеобщего закона» с «законом публичным» (*lex publica*). Сравнивая две эти формы правотворчества, Е.В. Сильвестрова замечает, что их общей определяющей чертой был, несомненно, универсальный, уравнивающий характер, свойственный обоим (с. 32). Этот характер, в свою очередь, раскрывается через понятия всеобщности адресата и такой же всеобщности творца упомянутых правовых актов. С одной стороны, адресатом той или иной конституции вполне могли быть граждане одной из частей Империи – Запада или Востока – или даже жители одного конкретного города. С другой же стороны,

³ Например, *Schwind F.F. Zur Frage der Publication im römischen Recht. München, 1940; Harries J.D. Law and Empire in Late Antiquity. Camb., 2001.*

необходимым условием придания конституции статуса «всеобщего закона» был характер и содержание включенных в нее норм, позволявшие распространить их сколь угодно широко, путем применения их по аналогии (с. 39).

Всеобщность творца *leges generales*, в свою очередь, выводится из процедуры их принятия, «в которой принимали участие чиновники императорской канцелярии (они, вероятно, и подготавливали «проект» императорской конституции), а также сенат и император, авторитетом которых обусловлено вступление принятой конституции в законную силу» (с. 41). По гипотезе Е.В. Сильвестровой, на данном этапе развития римского общества правового авторитета одного императора было еще недостаточно для того, чтобы сделать издаваемые им конституции общеобязательными. Весьма интересным представляется и ее утверждение по поводу того, что всеобщность создателя правовой нормы определяется участием в ее установлении и разработке не только самого императора, его сановников и сенаторов, но также и всего народа. Это участие реализуется в практике ее применения, поскольку «употребление» закона народом рассматривалось как свидетельство о его согласии соблюдать установленные в нем правовые нормы. Здесь нужно отметить, что в постклассической концепции закона активный гражданский коллектив оказался заменен массой жителей империи в качестве пассивных адресатов устанавливаемых императором норм, легитимирующих законодательную власть императора посредством осуществления своей функции «употребления» закона (с. 42–43).

В данном случае, говоря об участии народа в роли элемента, пассивно легитимирующего нормы «всеобщего закона», издаваемого императором, автор оказывается до обидного лаконичен. Наибольший интерес в данном вопросе представлял бы как раз анализ механизмов вовлечения народа в процесс со-творения законодательных актов. Мы позволим себе предположить, что в этом месте следовало бы обратиться взоры к риторике кодексов, поскольку, возможно, именно через нее оказалось бы возможным глубже понять суть проблемы и дать более подробный ответ на поставленный вопрос. Императоры наполняли свои конституции риторическими фигурами, обещая защищать законность и воздавать злодеям, к какому бы сословию они ни принадлежали, заботиться об узниках тюрем, быть милостивыми к приговоренным преступникам. Эта законодательная риторика, с одной стороны, укрепляла императорское право, создавая ему необходимую репутацию среди подданных, но, с другой – давала этим подданным возможность обратиться к императору, требуя справедливости в том или ином вопросе согласно его же постановлениям. Таким образом, право Поздней империи было спасено от закукливания, консервации в стенах дворца, от народа, – напротив, народ в меру своих сил соучаствовал в создании и развитии права⁴.

Наконец, последний вопрос, на котором нам хотелось бы остановиться, – это уже заявленная ранее проблема правовой сути кодификаций Феодосия и Юстиниана. Как отмечает Е.В. Сильвестрова, «исследуя принципы и эволюцию понятия *lex generalis*, нельзя не рассмотреть вопрос, являлись ли Кодексы Феодосия и Юстиниана только собранием “всеобщих законов” или они сами считались “всеобщими законами”...» (с. 49). Для разрешения этого вопроса исследовательница обращается к текстам конституций, введших в действие упомянутые кодексы. В новелле Феодосия II, предвзявшей кодекс, отмечается, что отныне в дальнейшем при судебных разбирательствах разрешается ссылаться только на конституции, вошедшие в Кодекс, в то время как остальные становятся недействительными. Вместе с тем отмечается, что авторитет конституций, вошедших в Кодекс, покоится на авторитете императоров, их создавших, а вовсе не на авторитете составителя кодификации – императора Феодосия. Подобная ситуация неминуемо приводит к выводу о том, что «Кодекс» Феодосия не является цельным текстом, оставаясь лишь собранием конституций разных авторов (с. 50). С «Кодексом» Юстиниана ситуация практически обратная. Как известно, в конституции *Cordi* законодатель предписывает использовать во всех тяжбах лишь его кодекс, опирающийся на авторитет императора-составителя, т.е. самого Юстиниана. Отталкиваясь от этого утверждения, Сильвестрова приходит к выводу о том, что «Кодекс» Юстиниана уже может быть воспринимается как «переходный от кодекса-собрания конституций, каковым является Кодекс Феодосия, к кодексу-конституции, образец которого представлен *Дигестами*» (с. 50).

Подводя итоги, отметим еще раз, что исследование Е.В. Сильвестровой является серьезным и, без ложной скромности, выдающимся трудом, позволяющим по-новому посмотреть на, казалось бы, хрестоматийные сюжеты. Работа опровергает устоявшиеся взгляды на постклассический период истории римского права как на эпоху глубокого упадка теоретико-правовой мысли и позволяет увидеть деятельность составителей и идеологов «Кодекса» Феодосия и, тем более,

⁴ Подробнее об этом см., например: *Harries*. Op. cit. P. 210 ff.

«Кодекса» Юстиниана, с другой стороны. От классического римского типа правопорядка, для которого было характерно господство юридической доктрины в качестве основного источника права и казуистический метод изложения правовых норм, римское право нашло дорогу к новой системе, в которой право юристов вытеснено государственным нормотворчеством, а основным источником права является закон (с. 156). Представляется, что выводы, полученные в данном исследовании, послужат базой для дальнейших изысканий на почве римского права постклассического периода, столь часто незаслуженно оставляемого в небрежении.

А.В. Марей

© 2008 г.

ПРОБЛЕМА ПАТРОНАТА И КЛИЕНТЕЛЫ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ РИМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В НОВОМ ИЗДАНИИ «КЕМБРИДЖСКОЙ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ»

Согласно концепции М. Гельцера и его последователей¹, которая восходит к идеям Н.Д. Фюстеля де Куланжа², ключевую роль в политической системе Римской республики играла сеть персональных связей (клиента, дружественные и родственные отношения), так как именно она обеспечивала безраздельное господство нобилитета в государстве. До недавнего времени концепция Гельцера преобладала в зарубежной науке, однако на исходе XX века она подверглась критике с разных сторон и утратила свои позиции. Становится актуальным вопрос: как этот поворот в историографии отразился на исследовании патроната и клиентелы? И какое место, по мнению современных антиковедов, занимали эти связи в политической жизни Рима?

Самой фундаментальной работой недавних лет, отразившей основные достижения науки об античности, стало новое издание «Кембриджской древней истории». Анализ важнейших проблем, связанных с античными обществами, в этом труде занимает очень значительное место (первое издание в большей степени было посвящено «событийной истории»). В проекте приняли участие ведущие исследователи современности, и концепции, отраженные в этой работе, представляют «мейнстрим» мировой науки. Однако точки зрения известных историков не всегда совпадают, и в разных главах коллективного труда одни и те же проблемы могут получить различное освещение. О патронате и клиентеле в республиканский период писали несколько авторов, в издании представлен целый спектр мнений по этому вопросу. По всем этим причинам освещение данной проблемы в «Кембриджской древней истории» заслуживает особого внимания.

Серьезное влияние на позиции авторов издания оказал ряд работ, опубликованных после 1980 г. Труд К. Хопкинса и Г. Бёртона заставляет пересмотреть традиционное мнение о контроле нобилитета над консулатом. Состав римской политической элиты постоянно изменялся, многие аристократы не достигали высших магистратур³. Мнение о жестко-олигархическом характере римской государственной системы оспорил Ф. Миллар: его концепция «римской демократии» в целом не получила поддержки антиковедов, но породила очень плодотворную дискуссию в современной историографии⁴. П. Брант подверг разрушительной критике представления

¹ *Gelzer M. Die Nobilität der römischen Republik. Lpz.–B., 1912 (англ. пер. Р. Сигера: Gelzer M. The Roman Nobility. Oxf., 1969); Taylor L.R. Party Politics in the Age of Caesar. Berkeley–Los Angeles, 1961; Scullard H.H. Roman politics 220–159 B.C. 2nd ed. Oxf., 1973; Syme R. The Roman Revolution. Oxf., 1939; Wistrand G. Caesar and Contemporary Roman Society. Göteborg, 1979.*

² *Фюстель де Куланж Н.Д. История общественного строя в Древней Франции / Пер. с фр. В 6 т. СПб., 1901–1916. Т. 5. С. 263–287. Гельцер признает свою зависимость от идей Фюстеля де Куланжа относительно клиентелы (The Roman Nobility. P. 62).*

³ *Hopkins K., Burton G. Political Succession in the Late Republic (249–50 BC) // Hopkins K. Death and Renewal (Sociological Studies in Roman History. Vol. 2). Cambr., 1985. P. 31–119. Противоположная точка зрения: Gelzer. The Roman Nobility. P. 52–53.*

⁴ *Millar F.G.W. The Political Character of the Classical Roman Republic, 200–151 B.C. // JRS. 1984. 74. P. 1–19; Смьшляев А.Л. Народ, власть, закон в позднереспубликанском Риме (по поводу концепции Ф. Миллара) // ВДИ. 2003. № 3. С. 46–60; Смьшляев А.Л., Одегова Е.А. Проблема «римской демократии» в современной зарубежной историографии // Античная история и классическая археология. М., 2006. С. 64–78.*